

АКАДЕМИК АЛЕКСЕЙ БОРИСЯК :: МОСКВА :: ПИИ РАН :: 2020

И.В. БОДЫЛЕВСКАЯ, А.Е. НЕЛИХОВ

АКАДЕМИК АЛЕКСЕЙ БОРИСЯК

МОСКВА ПИН РАН 2020

Предисловие редактора

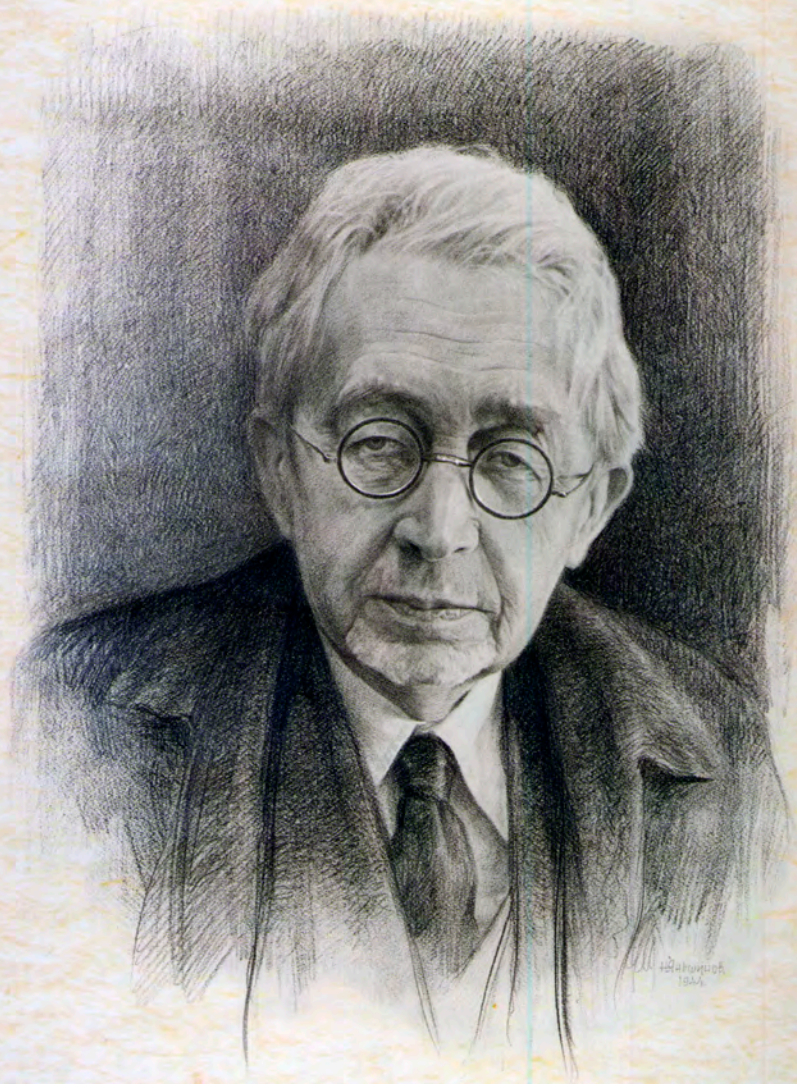
Академик Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944), известнейший отечественный палеонтолог, геолог и биолог, был также выдающимся организатором, основателем и первым руководителем сразу двух «краеугольных камней» науки об ископаемых организмах в Советском Союзе и России – Палеонтологического института Академии наук и кафедры палеонтологии Московского государственного университета. Кафедре палеонтологии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2019 году исполнилось 80 лет. Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН в 2020 году отмечает 90-летие со дня создания. К этим юбилейным датам приурочена публикация книги «Академик Алексей Борисяк», написанной внучкой ученого И.В. Бодылевской, посвятившей ряд специальных историко-архивных работ разным периодам жизни своего деда, и известным историком науки и популяризатором палеонтологии А.Е. Нелиховым.

Книга, содержащая множество ранее не публиковавшихся фотографий и документов из семейного архива Борисяков и Бодылевских, а также юношеских рисунков самого Алексея Алексеевича, получила значимым вкладом в биографическое исследование истории формирования творческой личности академика; кроме того, она представила очень отчетливый образ меняющихся реалий научной среды и судеб ученых на протяжении нескольких исторических эпох – предреволюционной России, революции и гражданской войны, индустриализации и Великой Отечественной войны. Присущий авторам тонкий, эмоционально деликатный научно-популярный стиль изложения, бережно сохраняющий важнейшие для биологов и геологов научные термины и понятия, в сочетании с тщательно подобранным иллюстративным материалом и ярко выраженным личностным акцентом не только делают публикацию доступной для общего восприятия, но и наделяют ее самостоятельным художественным значением – а этого, к сожалению, нечасто удается достичь современным научно-популярным произведениям.

В 2022 году исполнится 150 лет со дня рождения А.А. Борисяка. В честь ученого названы наш институт, острова в Баренцевом море, многие роды и виды ископаемых животных, учреждены медали и премии. К юбилею будут выпущены новые статьи и книги, посвященные А.А. Борисяку, состоятся научные конференции и другие мероприятия. Несомненно, что в нелегкий для отечественной науки реформенный период настоящая публикация также послужит высокой цели сохранения преемственности поколений ученых, их идей, и в целом сохранению «связи времени», важной не только для палеонтологов.

*Академик А.В. Лопатин,
Директор Палеонтологического института
им. А.А. Борисяка*

A. J. Jones

ГЕРОЪ

Благороднаго

Борисана

Описание Оного

Есть прыжъ новелерстий въеломъ Поле
подонымъ льна Обрещенная Нверхъ Розамн
внизъшъ Онои Ръщевенн зброи себля истрела
напрестъ мжешце, свѣрхъ щити шлемъ
падноронов, Стопръъ всего герба Обыннове
нновъ Упрешенне Авторами Герберкушевъ
изданное; Игредномъ монмъ Употребляемъ
роизвептелептвожъ Ораде моемъ; Сиомин
сн Ораиборе, дворянстве есть имееется;

Императоръ Александръ Павловичъ
повелено гербу и оному по оному полю
иметь въ оублестъ по вазуриднво и ономъ
статъ

В середине XVIII века в украинском селе Лохвица близ Миргорода «во время бывшего немалого пожара» сгорел дом сотенного хорунжего Михаила Борисяка со всеми «пожитками и имевшимися документами». Случайно уцелел только черновик герба, который незадолго до пожара отослали художнику для переделки. Герб незамысловатый — стрела, сабля и «обращенная вверх рогами» луна. Никто из потомков им, кажется, не пользовался.

Этот черновик — самый старый документ в архиве геолога, палеонтолога, академика Алексея Алексеевича Борисяка. А хорунжий Михаил — самый ранний из его предков, о котором до нас дошли сведения.

Впоследствии сын Михаила — Иосиф — получил послужной список отца из Лохвицкой канцелярии. В нем сказано, что Михаил, «по предкам своим шляхетской породы», вступил в службу Ее Императорского Величества и участвовал во многих заграничных походах, «а по возвращению с войны управлял на месте лохвицкого сотника всякие к правлению надлежащие дела воинские, гражданские, полицейские и уголовные вплоть до 1740 года»...

По преданию, вначале фамилия семьи была другой — Борисенко. Но один Борисенко проворовался на службе, и щепетильные родственники сменили фамилию, чтобы не иметь ничего общего с казнокрадом.

Дмитрий Осипович Борисяк

Никифор Дмитриевич Борисяк

Алексей Никифорович Борисяк

Сами они, если верить формулярным спискам, были добросовестными чиновниками, занимали небольшие должности по судейской или военной части. Почти все они были многодетны и небогаты.

Документы в семье сохранялись с 1743 года. Старинные бумаги исписаны хлопотами о передаче сыновьям дворянских званий, сделками о покупке или обмене крошечных клочков земли. Последним в этом ряду служивых людей был Дмитрий Осипович Борисяк (1783—1831). Молодой дворянин Полтавской губернии в девятнадцать лет стал прапорщиком в мушкетерском полку. Потом его зачислили в молдавскую армию снабженцем, в чине обер-провиантмейстера. Оттуда перевели в смотрители провиантских магазинов Тамбовской губернии. Он несколько раз ходил в армейские походы, бывал в кордонах и за границей, женился, овдовел и осел в Царстве Польском.

В 1831 году его представили к орденам Святой Анны и Святого Владимира. Пока награда шла из столицы в Царство Польское, Борисяк скончался. Ордена отослали обратно в главную канцелярию военного ведомства.

Двое детей Борисяка — Ксения 15 лет и Никифор 14 лет — сделались круглыми сиротами. Наследства им никакого не осталось. О судьбе Ксении ничего не известно, а Никифор Дмитриевич изменил традиции и не пошел ни в чиновники, ни в офицеры. В Харьковском университете он выучился на лекаря.

В 1839 году его, как самого способного студента, отправили в Петербург готовиться к профессорскому званию по минералогии, чтобы он занял новую кафедру в Харьковском университете.

Два года Никифор Дмитриевич слушал лекции в Горном институте и Петербургском университете, сделал три геологические экскурсии. Одну из них — на полтора года на Урал,

где нашел не только любопытные горные породы, но и видную невесту Ларису, дочь покойного начальника Камско-Воткинских заводов, обер-берг-гауптмана V класса (чин, соответствующий статскому советнику) Конона Яковлева Нестеровского.

Вернувшись в Харьков, Никифор Дмитриевич получил место на кафедре и отправился на Урал за невестой. Венчание состоялось в церкви Златоустовского завода 22 января 1844 года. Поручителем по невесте выступил Корпуса горных инженеров генерал-майор Павел Аносов.

Брак оказался непрочным, семья спустя некоторое время распалась. Никифор Дмитриевич остался в Харькове, а мать с шестью детьми отправилась в Барнаул, который в те времена называли сибирскими Афинами: здесь был центр окружного горного начальства, управление пограничных войск — весь цвет тогдашней интеллигенции.

Старшего сына, Алексея, едва ему исполнилось одиннадцать, мать отправила одного в Москву поступать в Константиновское межевое училище. В Москве он получил звание инженера, чин X класса и обзавелся семьей. В жены, как и отец, взял сироту — Анну Александровну Ползикову, дочь покойного военного родом из Вятки, героя Крымской войны.

Ползикова окончила Екатерининский институт и осталась в нем помощницей воспитательницы младших классов. Приходя в институт повидаться с сестрой, Борисяк обратил внимание на девушку с синими глазами, длинными, чуть не до колен, пепельными волосами и сделал ей предложение.

По окончании училища Борисяк получил работу в железнодорожном ведомстве и занялся отчуждением земель под частные и казенные железные дороги. На службе слыл весельчаком, имел безупречную репутацию.

Анна Александровна Ползикова

Родители Анны Александровны Ползиковой

Анна Александровна Борисяк

Он был известен на всю путѣйскую Россию тем, что не брал взяток. Бывало, ему предлагали большие суммы только за то, чтобы опоздал к нотариусу. Один раз накануне ответственного дня Алексей Никифорович вызвал коридорного и спросил, сколько ему дали, чтобы забыл разбудить барина. Коридорный признался, что три рубля. Алексей Никифорович дал ему «синенькую» пятерку с наказом разбудить на полчаса пораньше, и наутро, как обычно, явился к нотариусу первым.

У Алексея Никифоровича были артистические дарования, которые помогали ему, если на крестьянских сходах приходилось убеждать мужиков в пользу железной дороги.

Живя в Самаре, он выступал в театре под фамилией Бобров, замещая постоянных актеров. У него были собственные поклонники, которые ждали спектаклей с его участием. По словам старожилков, он играл якобы лучше местного «Петипа-младшего».

Анна Александровна тоже не была чужда искусствам. По матери она происходила из немецкой музыкальной семьи, в молодости была превосходной пианисткой, училась у композитора Карла Клиндворта.

Когда умер П.И. Чайковский, она написала в самарскую газету, что надо непременно отдать дань памяти композитору, как сделали в других губернских городах. Предложение приняли, состоялся концерт, в котором она приняла большое участие.

Свои музыкальные способности Анна Александровна передала всем трем сыновьям. Старший, Алексей играл на цитре, пел, дирижировал гимназическим хором. Средний, Александр, прекрасно пел. Младший, Андрей, стал профессиональным виолончелистом, а его сын — скрипачом и альтистом.

Братья Алексей, Андрей и Александр Борисяки

В остальном Анна Александровна целиком посвятила себя семье, считая, что удел женщины — следить за домом и покоряться судьбе. С немецкой педантичностью она любила составлять списки по хозяйству, чуть ли не на число залатанных дыр.

Каждые два-три года супруги Борисяки переезжали на новое место, следуя за путями железных дорог. В 1872 году они жили в украинском городе Ромны. Здесь в Марьин день 22 июля у них родился первенец. В честь отца его назвали Алексеем.

Крестины назначили на сентябрь, что было необычайно поздно. На таинстве младенец непрерывно орал, а под конец схватил священника за рыжую бороду так, что ручонку едва разжали. Годы спустя академик Борисяк со смехом говорил, что всегда был не в ладах с попами.

С дедом-геогностом будущий геолог виделся всего пару раз. Когда Алексею было полтора года, его привезли в гости к Никифору Дмитриевичу, пустили в кабинет, где на полу лежали всевозможные камни. Ребенок полез их смотреть. Скоро его оттуда вытащили всего перепачканного, к отчаянию матери и няньки. Пыль между камнями от века не убиралась.

В другой раз к внукам приехал сам Никифор Дмитриевич — уже пожилой, тучный. Будущий академик, пяти лет от роду, запомнил, что не давал заснуть ему после обеда, вместе с братом лазая по мягкому и огромному животу геогноста.

Алексей, которого в семье звали Леля, поступил в прогимназию в Брест-Литовске в 1883 году, но уже через два года семья переехала, и он перешел в классическую гимназию Самары.

В средних классах он увлекся естествознанием, в ту пору к преподаванию запрещенным. В автобиографии вспоминал, что учитель-географ, в обход запрета, читал им «целую энциклопедию» по естественным наукам. Огромное впечатление на него оказала небольшая книжка К.А. Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение». Прочитав ее, Борисяк раздобыл маленький портрет Дарвина и не расставался с ним до конца жизни.

Алексей Борисяк с матерью

Алексей Борисяк

Александра Николаевна Хардина

В свободное время он собирал насекомых. В этом увлечении сполна проявились систематичность и основательность: качества, без которых трудно понять личность Борисяка. По словам его младшего брата Андрея, «привычка к аккуратности и доведению до совершенства начатого дела имели следствием три или четыре ящика отлично выполненных коллекций бабочек и жуков Самарской губернии».

Борисяк отлично рисовал и по настоянию матери учился играть на цитре — старинном, похожем на гусли инструменте.

Житейскую премудрость преподавал отец. Борисяк вспоминал, как однажды застыдился нести сапоги в починку, и отец, вытравливая у него ложное самолюбие, заставил вернуть сапоги в красный платок, как делали мастеровые, и идти к сапожнику в таком виде.

Учился он отлично, каждый год после экзаменов получал в награду от гимназии книги и похвальные листы.

Собака Бой, жившая в семье Борисяков.
Рисунок Алексея Борисяка, ученика 8 класса гимназии

В старших классах Борисяк начал давать частные уроки. В числе его учеников оказались два брата-гимназиста Хардиных.

Дом присяжного поверенного Хардина был известен всей Самаре. Интеллигенция собиралась здесь, чтобы обсудить новинки театра, книги, правительство, социалистов, народников.

Отец семейства любил играть в шахматы, и разговоры часто шли за шахматной доской. Среди его гостей был молодой В.И. Ульянов, будущий Ленин. Борисяк видел его пару раз, когда приходил давать уроки. Будущий вождь игнорировал гимназиста и его подопечных, общаясь только со старшим Хардиным.

Годы спустя, после революции, Борисяк с удивлением говорил, что не понимает, отчего Ленина рисуют брюнетом: «Он же рыжим был».

В доме Хардиных были две двоюродные сестры, примерно одного возраста с Борисяком. Одна из них, Александра Николаевна, станет его женой. В семье ее звали «вороной» за желание поступить в Медицинский институт «потрошить трупы». Вторую сестру звали «лягушкой» за всегда холодные ладони. Самого Борисяка звали «совой» и прочили ему ученую карьеру.

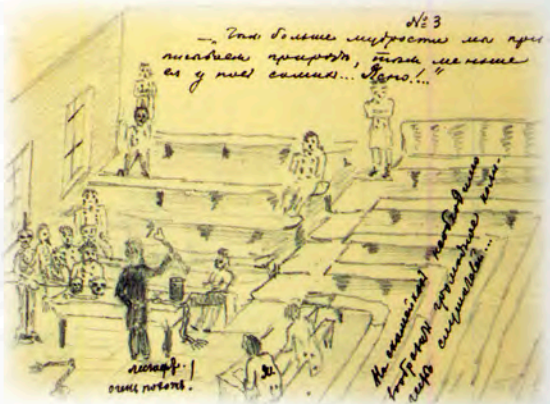
Картинка из письма А. Борисяка А. Хардиной. В качестве шутки нарисованы ворона и лягушка — по ироническим прозвищам двух сестер Хардиных

В 1891 году Борисяк окончил гимназию с золотой медалью. Все говорили, что он непременно станет ученым. Летом он отправился поступать в Петербургский университет. На заказ ему сделали добротный дорожный сундук, который сохранился до сих пор.

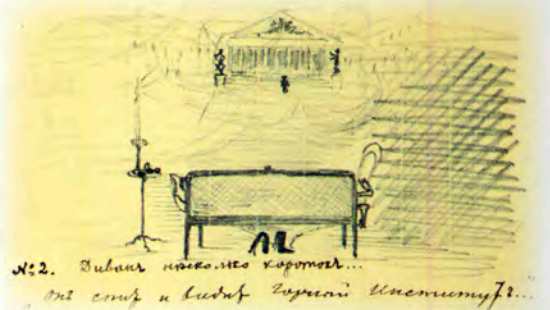
В том же году окончила гимназию Александра Хардина. Однако поехать с Борисяком она не смогла. Женский медицинский институт, где она хотела учиться, еще не открылся, а кроме того, для поступления туда требовалось знать латынь, которую не преподавали в самарской женской гимназии. Хардина осталась в Самаре на год учить латынь и дожидаться приема слушательниц в Петербургский медицинский институт.

Из Петербурга к сестрам Хардиным полетели десятки писем Борисяка, со множеством дорожных и петербургских зарисовок: картежники в купе, привокзальные буфеты, носильщики, извозчики, проспекты, дешевый «меблированный дом» с комнатами, университет и театр.

Борисяка зачислили на естественное отделение университета. Студенты могли слушать любые лекции, и провинциальный юноша сполна воспользовался этим правом. Больше всего его заинтересовали биология и история. Как потом подметит академик Д.В. Наливкин, оба увлечения Борисяк сохранит на всю жизнь, дав им «геологическое оформление».

Рисунки Алексея Борисяка: здание Санкт-Петербургского императорского университета и лекция П.Ф. Лесгафта

Из письма А. Борисяка в Самару. Подпись на рисунке: «Диван несколько короток... «Он спит и видит Горный Институт»»

А.А. Борисяк и А.Н. Хардина.
Фотография сделана сразу после помолвки

А.А. Борисяк на Нижегородской
ярмарке

Борисяк регулярно ходил на лекции знаменитого анатома П.Ф. Лесгафта. Студенты обожали пожилого врача и часто устраивали ему аншлаги в Марининской больнице, где проходил практикум по анатомии. Лесгафт заставлял слушателей заниматься гимнастикой, учил их воспитывать детей и запрещал употреблять алкоголь.

История привлекала Борисяка все сильнее, и к концу первого полугодия он стал думать, не перейти ли на исторический факультет. Во время зимних каникул в Самаре отец прекратил эти колебания, сказав, что в память покойного деда сын закончит Горный институт. Перевестись в институт в середине года оказалось непросто. Это разрешилось только чиновникам соответствующих ведомств. Алексей Никифорович поехал в Петербург и стал хлопотать, чтобы сын получил нужный чин. В феврале 1892 года старания увенчались успехом. Борисяка утвердили в чине коллежского регистратора и допустили к слушанию лекций Горного института.

Осенью в Петербург приехала Хардина. Так и не дождавшись открытия Медицинского института, она поступила на Рождественские курсы лекарских помощниц. Незадолго до окончания института Борисяк сделал Хардиной предложение. Она ответила согласием. Студенты не могли жениться без разрешения институтского начальства. В канцелярии, учитывая успехи Борисяка, разрешение подписали.

Сразу после помолвки Борисяк на радостях сфотографировался с невестой, заказав много отисков, чтобы разослать родственникам и друзьям. Узнав об этом, его родители возмутились и запретили раздаривать снимки, посчитав это неприличным. Все отиски остались в семье, а один каким-то неведомым путем попал в фонд Центрального музея революции СССР.

В мае Борисяки сыграли дешевую свадьбу на окраине города. Год спустя у них родилась дочь, которую в честь фран-

цузской республики назвали Марианна. Людям попроще объясняли, что имя дали в честь двух бабушек — Марии и Анны.

Институт, как и гимназию, Борисяк окончил с отличием. Его имя занесли на «золотую доску» выпускников. В советское время «золотые доски» сняли — на них были фамилии контрреволюционеров. В девяностые годы, после «перестройки», повесили обратно.

После получения диплома Борисяка прикомандировали к Геологическому комитету. Молодого сотрудника первым делом отправили в горный павильон Нижегородской летней ярмарки показывать зевакам коллекции минералов. Жалования стажеру не полагалось, однако Борисяк считал назначение большой удачей, поскольку хотел заниматься не прикладной геологией, а наукой. «90% моих товарищей презрительно усмеваются над моим выбором “карьеры”, но это ни на минуту не поколеблет меня считать мой выбор наилучшим», — писал он отцу.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Многие из тех, кто потешался над Борисяком, по 5–7 лет ждали назначения и хоть какой-то работы. Борисяк за это время успел достичь серьезных успехов в науке. В Геологическом комитете он выбрал специальностью палеонтологию и под руководством С.Н. Никитина приступил к изучению ископаемых двустворчатых моллюсков. В его распоряжении были богатые коллекции и библиотека комитета.

Борисяк стремился изучать ископаемые остатки, используя новаторские методы, совмещать геологию с биологией, и специально прослушал курс биологии в Петербургском университете у профессора М.Н. Римского-Корсакова.

В апреле 1897 года Борисяку присвоили звание помощника геолога, он получил первое небольшое жалование и с тех пор перестал жить на средства отца.

Ближе к лету ему поручили геологическую съемку окраин Донбасса. Однако работу пришлось отложить: у Борисяка началось обострение туберкулеза.

Петр Францевич Лесгафт

«Золотая доска» Горного института

Сотрудник Геологического комитета А. Борисюк

Визитные карточки А. Борисюка

Туберкулез был семейной болезнью Борисюков. Первым заболел Алексей Никифорович во время разъездов по стране. Жизнь межевого инженера была нелегкой: приходилось ездить не только в первом классе, но и на паровозах, на дрезинах по неустойчивым насыпям, ночевать в промозглых трактирах, выпивая для согрева рюмку водки, которая скоро вошла в привычку. Вдобавок Алексей Никифорович был страстным курильщиком.

Туберкулез передался его сыновьям. Средний сын, Александр, скончался от туберкулеза горла в 26 лет, находясь в Италии на лечении. В письмах он давал понять, что знает о своей близкой кончине. Его смерть стала большим ударом для семьи.

Алексей Алексеевич ясно увидел мрачную перспективу и стал с особым вниманием относиться к здоровью. «Природу не надуешь», — говорил он и добавлял: «Ее надо бить ее же оружием».

Борисюк наладил строгий режим в семье. Его супруга, страстная приверженка идей Лесгафта, построила весь быт по учению анатома. Под запрет попали алкоголь, шторы и занавески, которые Лесгафт называл пылесборниками. Еду из кухни в столовую носили в закрытых кастрюлях, а не в мисках, как было принято. «Лишняя перекладка — лишние микробы», — считалось в семье по Лесгафту.

Борисяк ел только простую пищу и часто вспоминал поговорку: «Вкусно значит вредно». Он полагал, что необходимо как можно чаще мыть руки (не реже 18 раз в день), и не признавал мягкой мебели.

Обострение туберкулеза стало для него серьезным испытанием. Геологический комитет пошел навстречу молодому сотруднику и командировал его в более комфортную Таврическую губернию для изучения юрских отложений.

В 1899 году вышла первая большая работа Борисяка — «Введение в изучение ископаемых пелеципод». В ней он обозначил кредо, которому следовал всю жизнь. Он писал, что палеонтология «все более обращается в самостоятельный отдел биологических наук, со своим собственным материалом, своим особым методом, своими самостоятельными задачами. Ископаемые остатки... получают в руках палеонтолога самостоятельное значение с точки зрения истории развития органической жизни на Земле. Освобождаясь от подчиненного положения по отношению к геологии, палеонтология становится в то же время все в более тесную связь с науками биологическими». Именно тогда, по словам советских биографов, у горного инженера Борисяка появилась «несокрушимая убежденность в необходимости поставить палеонтологию на биологические рельсы».

Раскрашенная акварелью фотография из экспедиции А. Борисяка в Донбасс

А. Борисяк в Донбассе

В 1898 году Борисяк отправился на съемку Донбасса. Он купил белую одежду, чтобы не страдать от жары, и отправился в Изюмский уезд. Экскурсия продолжилась в 1899 году. Соседние участки уезда достались геологам Н.В. Григорьеву и В.А. Наливкину. В середине лета произошла трагедия. Служивцы Борисяка погибли. Григорьев начал тонуть во время купания, а не умеющий плавать Наливкин попытался его спасти. Утонули оба.

У Борисяка вновь обострился туберкулез. Врачи настояли, чтобы он уехал на лечение в Крым.

По счастливому стечению обстоятельств Геологический комитет как раз приступал к съемке Крыма и предложил Борисяку взять на себя часть работы. Его напарником стал геолог К.К. Фохт. Обязанности они разделили так: Фохт взял море и прибрежные обнажения, Борисяк — горы.

Море Борисяк не любил, никогда в нем не купался, а на пляжах не загорал.

Жена Борисяка поехала с ним, бросив последний курс и посвятив себя одному больному — своему супругу. Дочь, чтобы не заразилась, отправили к бабушке в Самару.

Туберкулез на несколько лет запер Борисяка в Крыму. С начальством и коллегами он общался письмами и телеграммами, порой весьма эмоциональными.

«Ужасно обидно и досадно! — а перед Комитетом — совестно, так как зиму не буду как следует работать... Я мог бы освободить Комитет от такого беспокойного члена, но уйти теперь из Комитета для меня равносильно духовной смерти, и я не в состоянии на это решиться», — писал он главе Геологического комитета Ф.Н. Чернышеву.

В Крыму Борисяк обрабатывал собранные в Донбассе коллекции, изучал

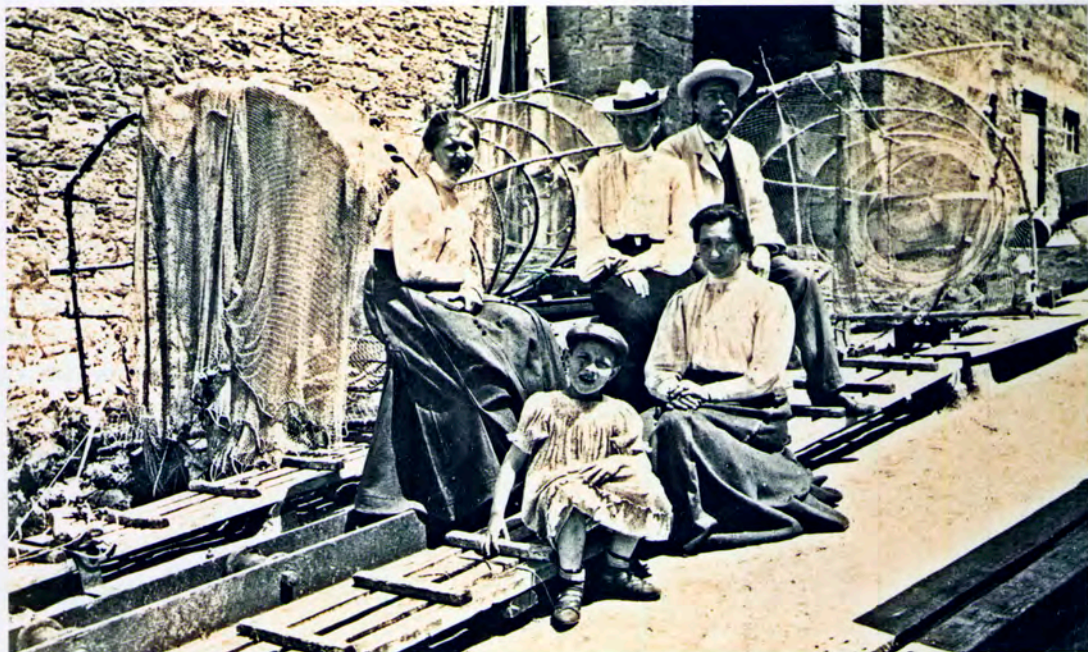
А. Борисяк в Крыму

на Севастопольской биологической станции современных беспозвоночных, которых драга поднимала с морского дна, вел геологическую съемку, которая продолжалась до 1912 года. Работать было трудно из-за нехватки научной литературы. Иной раз приходилось откладывать публикации, потому что не удавалось достать какую-нибудь одну нужную статью и сверить ссылки.

Лето Борисяк проводил на юрских и меловых отложениях горного Крыма, осенью переезжал в Севастополь. Здесь вместе с супругой он встретил начало нового столетия. По заветам Лесгафта вместо шампанского они подняли в честь нового века по ложке рыбьего жира...

Жена угощает А. Борисяка рыбьим жиром
в честь наступления нового века

А. Борисяк с супругой и друзьями по Севастопольской биологической станции на фоне глубоководных драг

Владимир Прохорович Амалицкий

Три года Борисяк безвыездно провел в Крыму. Когда здоровье немного улучшилось, он решил отправиться на север, в какой-нибудь университетский город, где есть библиотека. Ехать в сырой Петербург он не рискнул и остановил свой выбор на Варшаве, где климат был мягче.

Профессором геологии Варшавского университета работал знаменитый В.П. Амалицкий. Как и Борисяк, он начинал карьеру с ископаемых моллюсков, потом открыл гигантское захоронение ящеров на Русском Севере и занялся их изучением.

Амалицкий благосклонно отнесся к просьбе молодого геолога, и поздней осенью 1902 года семейство Борисяков вместе с дочерью переехало в Варшаву.

С дочерью Борисяк почти не общался, держался от нее подальше, чтобы не заразиться. Лишь по воскресеньям отправлялся с ней на прогулку в парк. Марианна Алексеевна на всю жизнь запомнила, какими скучными были эти прогулки: отец ходил по одним и тем же дорожкам и молчал, боясь простудить горло.

Борисяк предпочитал целыми днями пропадать в университете. Пользуясь библиотекой, коллекциями и советами коллег, он быстро закончил несколько работ. Его скромная библиография вскоре пополнилась сразу несколькими монографиями.

После визита в Варшаву, знакомства с остатками ящеров и общения с Амалицким Борисяк утвердился в мысли, что для него настоящая палеонтология — это палеонтология позвоночных.

Он начал делить палеонтологию на две части: первая изучает беспозвоночных, важна для геологии, позволяет строить стратиграфические схемы, расчленять и обособлять слои; вторая занимается остатками позвоночных и стоит ближе к биологии, чем к геологии, она нужна для понимания эволюции, помогает проследить адаптации семейств, выяснить причины возникновения разных типов животных.

Из Варшавы Борисяк на лето вернулся в Крым, продолжать геологическую съемку.

Постепенно в трудах Геологического комитета выходили его отчеты по геологии Крыма, строению Донбасса, тектонике Донецкого кряжа. В нескольких томах была опубликована монография о юрских моллюсках Европейской России.

Кроме того, Борисяк начал писать учебник по палеонтологии. Заняться книгой ему предложил московский профессор В.Н. Львов, задумавший серию учебников по биологии.

Профессор хотел, чтобы Борисяк перевел и переработал какую-нибудь тоненькую книжку о палеонтологии. Однако тот взялся за дело с большим энтузиазмом и «небольшая работа», как он ее вначале называл, превратилась в трехтомный «Курс палеонтологии».

В 1903 году у Борисяка родился сын, которого назвали Романом — Ромиком.

В конце осени Амалицкий вновь пригласил Борисяка в Варшаву, но тот отказался:

«Год тому назад я занимался в это время в Вашем гостеприимном кабинете. Самые лучшие воспоминания остались у меня от нашей жизни в Варшаве, т. ч. я даже сожалею, что в этом году мне не придется воспользоваться Вашим любезным приглашением: пока я застрял в Севастополе, где кончаю одну работу на биологической станции, а затем после нового года мы, кажется, решимся переехать прямо в Петербург».

Из Крыма семейство Борисяков отправилось на север, остановившись в пригороде Петербурга, в Гатчине. Но в холодном климате здоровье геолога вновь испортилось, и он вернулся в Севастополь.

Летом 1905 года, не дожив до двух лет, скончался сын Борисяка. Эта смерть произвела на Борисяка ужасное впечатление, больше детей он иметь не хотел, опасаясь, что опять родится сын. И даже когда тридцать лет спустя у его дочери ожидался ребенок, он единственный из всех родных хотел, чтобы это была девочка.

Несмотря на режим и благоприятный климат, в Крыму продолжилось развитие туберкулеза. Борисяку сделали операцию и запретили браться за тяжелую работу.

Скелеты парейазавров
в лаборатории
при Варшавском
университете

А. Борисяк с дочерью в парке Лозенки в Варшаве

Чтобы не увлекаться в маршрутах, он стал брать с собой семилетнюю дочь. Учил ее, что при подъеме на гору нельзя садиться, а если устанешь — остановись и отдохни стоя.

Воду в походы не брали и пили из ключей, которых было множество. Привал делали только один раз, на час, заваривая чай в небольшом чайнике на костре.

Экскурсии Борисяк делал вместе с постоянным рабочим Николаем Алексеевичем Сенным, который работал у него еще в Донбассе. На лето Борисяк приглашал его к себе в Крым. Почти все дни Борисяк ходил по горам, подводил итоги геологическим наблюдениям, работал на био-станции. Он писал в Петербург, что текущим работам «прямо конца не видно: так вероятно никогда и не доберешься до «настоящей палеонтологии» — позвоночных».

Осенью 1905 года в Севастополе вспыхнуло восстание. Борисяк помогал мятежным матросам, которые после захвата крейсера «Очаково» императорской армией вплавь добирались до берега. Сотрудники биостанции принимали пловущих, переодевали в гражданскую одежду и выводили в город. Армия ничего не могла поделать: офицеры не имели права обстреливать императорскую станцию и входить на ее территорию.

В.П. Зернова, жена заведующего Севастопольской биостанции, вспоминала: «На приморском бульваре часто выступал на митингах лейтенант Шмидт, и Алексей Алексеевич был его неизменным восторженным слушателем. После взятия и разгрома севастопольской тюрьмы для освобождения политических заключенных были похороны жертв революции под руководством лейтенанта Шмидта. Алексей Алексеевич также принял участие в похоронах. Мы с ним поехали к Шмидту и попросили разрешения принять участие в хоре».

Борисяк писал в Петербург, что из-за «гнусных безобразий правительства» даже самые консервативные элементы «революционизируются».

Летом 1906 года Борисяку исполнилось 34 года. После окончания института он почти не покидал Крыма, находясь в случайной ссылке, вдали от коллег и библиотек... Незавидная участь для ученого.

Александра Борисяк с сыном

Супруги Борисяк в Севастополе

А. Борисяк в Крыму

Осенью Борисяк еще раз рискнул покинуть Крым и выехал в Петербург. В Гатчине, где многое напоминало о покойном сыне, он жить не захотел и остановился в другом пригороде столицы — в Удельной, ради свежего воздуха. Сложился новый распорядок дня, которому Борисяк следовал неукоснительно. Каждый будний день на утреннем поезде он ехал в Геологический комитет, к вечеру возвращался, обедал, садился в кресле с газетой или ненадолго ложился, а затем работал до ночи. Впустую тратить время он не любил, почти не читал беллетристики, совсем не бывал в театрах и только изредка (как говорил, «по обязанности») ходил в гости.

Отец, сын и дочь А. Борисяка

Получив долгожданную возможность полноценно трудиться, он с головой ушел в работу и не делал себе никаких поблажек: работал даже больным, не обращая внимания на температуру. Авралов он не любил, предпочитал систематические занятия. Если предстояло большое дело, например капитальный разбор библиотеки, Борисяк выделял на это определенные часы — по часу каждый вечер или до завтрака воскресенья и четко следовал предписанию, пока не выполнял намеченного. Научные исследования были главным для Борисяка, в них он видел смысл жизни и главное ее удовольствие. Четыре года в Удельной стали, видимо, самым счастливым и спокойным периодом в жизни Борисяков. Быт был налажен, работе ничто не мешало.

Дочь Борисяка вспоминала: «По субботам в Удельную приходили жившие поблизости веселые приятели — горные инженеры С.А. Конради, Е.В. Круг и его жена, которую, конечно же, звали «Кружка».

А. Борисяк в Удельной

Марианна Борисьяк, сфотографированная для масштаба складки (фото А. Борисьяка)

Пили много чая (спиртного в доме, по Лесгафту, не было совершенно). Угощение было всегда одинаковое — коробка килек, мятные пряники, домашний пирог с яблоками или клюквой. Клюкву клали в пирог сырую, не все ягоды успевали спечься, и «стреляли» под ножом или зубами, вызывая взрывы хохота».

Борисяк любил играть словами, коверкая их на разные лады, и говорил, что гости едят с неизменным «аппетитьем» вместо «с аппетитом». Одной из его любимых присказок была фраза «Не тут-то быдло-кобыдло».

Алексей и Марианна Борисьяк с рабочим Н. Сенным в маршруте по горному Крыму, на Яйле

А. Борисяк с дочерью на маршруте вблизи Ялты

А. Борисяк играет на цитре

Уже говорилось выше, что находки остатков наземных млекопитающих рѣдки, и въ этомъ смыслѣ прошлогоднее открытiе можетъ по справедливости считаться одной изъ блестящихъ страницъ въ исторiи г. Севастополя.

Счастливыи городъ! Одинъ изъ красивѣйшихъ по своему положенiю на берегу моря, одинъ изъ славнѣйшихъ по историческимъ воспоминанiямъ,—онъ, какъ теперь оказывается, и въ нѣдрахъ своихъ заключаетъ огромныя научныя богатства. И если двѣ первыхъ особенности его эксплоатируются на пользу его и привлекаютъ къ нему туристовъ, то, конечно,—по состоянiю финансовъ нашихъ городовъ вообще,—нельзя ожидать, чтобы онъ взялъ въ свои руки добычу своихъ ископаемыхъ богатствъ и выстроилъ для нихъ специальный музей, какъ это бы сдѣлала за границей, гдѣ и люди богаче, и интересы ихъ шире. Если намъ не дождаться такого музея, то можно и должно надѣяться, что послѣ описанной находки, о которой такъ много говорили въ Севастополѣ, другiя подобныя открытiя не будутъ оставаться втунѣ. Вѣдь и казенными вѣдомствами и частными лицами такъ много каменныхъ работъ ведется и въ Севастополѣ, и въ его окрестностяхъ и, по слухамъ, находженiе костей въ камняхъ имѣло здѣсь мѣсто уже не разъ.

Изъ статьи А. Борисяка в газетѣ «Крымскiй вестникъ»

В 1908 году Борисяка избрали старшим геологом Геологического комитета, а летом случилось событие, которое он неизменно называл своей самой счастливой находкой.

В августе в центре Севастополя, во дворе ремесленной школы имени генерала П.К. Менькова рабочие копали поглощательный колодец, чтобы сливать помои. Камни выбрасывали на улицу, где их заметил отставной генерал-майор П.Д. Лескевич, известный на весь город оригинал, любитель минералов и окаменелостей, прославившийся тем, что однажды вызвал на дуэль писателя А.И. Куприна. В камне, как писали газеты, Лескевич нашел «кости, огромную окаменелую голову и рога какого-то допотопного зверя».

Поздней осенью в Севастополе проездом оказался Борисяк, ехавший с южного берега Крыма в Алушту. Лескевич рассказал ему о находках, показал найденные кости. Вскоре они вдвоем стояли у колодца, из которого уже шел неприятный душок: его доделали и использовали по назначению. Борисяк уговорил директора школы пока воспользоваться старым колодцем.

Начались раскопки. На глубине пяти метров был установлен помост, рабочие принялись вырубать глыбы. Про раскопки узнали журналисты, и вскоре в газетах появилось несколько заметок. В одной говорилось, что найдены кости трехпалой лошади-гиппариона. Но случился казус: то ли наборщик ошибся, то ли репортер не расслышал Борисяка, и гиппарион был назван «трехполой лошадь».

До холодов из колодца подняли тонну известняка. Его упаковали в ящики и отправили в Геологический комитет. Всю зиму Борисяк, его жена и двое рабочих освобождали кости от «одевавшей их каменной рубашки».

Генерал-майор Павел Дмитриевич Лескевич

Труды Геол. Ком. Нов. Сер. Вып. 37.

Иллюстрация из работы А. Борисяка «Фауна Донецкой юры. Сергалорода» (1908)

Препаровка шла тяжело. Порода была тверже костей, от ударов молотка поднимались клубы пыли. Чтобы уберечь глаза и легкие, Борисяк, жена и рабочие надевали противогазы. Если кость ломалась, Борисяк относился к этому стоически, говорил, что сам виноват в ошибках подчиненных, потому что должен был все предусмотреть.

Постепенно породы вокруг костей становилось все меньше, а самих костей — все больше. Борисяк с любовью писал, что эти «чистые, белые, изящные кости производят впечатление хорошо очищенных свежих костей и только отсутствие специфического запаха и необыкновенная тяжесть их показывает, что мы имеем дело с окаменелыми костями».

Полностью выбрать костеносный участок удалось лишь на следующее лето, когда в Петербург отправили еще восемь тонн породы. Все кости принадлежали животным гиппарионовой фауны, обитавшим в причерноморских степях около 10 миллионов лет назад. Больше всего было костей гиппариона и безрогого носорога ацератерия. Остальные принадлежали жирафам, саблезубым кошкам, слонам и антилопам, которых Борисяк в газетной статье назвал «предками нашей козы».

Препаровка севастопольской фауны

А. Борисяк за препаровкой

А. Борисяк с дочерью на пляже
в Лейдене, 1911 год

Для сравнительного анализа остатков Борисяк отправился смотреть коллекции европейских музеев — Вены, Мюнхена, Штутгарта, Парижа, Лондона, Берлина. За границей он, как говорил, «обуржуазился» и стал хорошо одеваться. Супруге объяснял, что глядя на иностранцев, понял: вполне можно и дельным человеком быть, и одеваться хорошо. И добавлял понравившуюся поговорку: «Я не так богат, чтобы покупать дешевые вещи».

Летом 1910 года Борисяк впервые отправился в Крым без жены, которая с дочерью уехала навестить больную бабушку. Лето выдалось беспокойным: в Крыму разразилась эпидемия холеры. В письмах дочери Борисяк рассказывал: «Нас холера охватила тесным кольцом и все более отжимает в горы». Один раз во время маршрута ему пришлось остановиться на ночлег в холерном бараке. «Нас накормили, напоили... спать уложили на чистые кровати, приготовленные для будущих холерных — так в запахе карболки мы сладко и проспали: утром нас ели мухи, у каждой из которых на каждой лапке была масса вибрионов».

Впрочем, все кончилось благополучно. Беда поджидала с другой стороны: по возвращении в Петербург выяснилось, что туберкулезный процесс Борисяка ускорился, перешел из легких на почки и позвоночник.

Борисяк грустно пошутил, что после смерти на изучении его туберкулеза какой-нибудь медик вполне может защитить докторскую диссертацию.

Известный в те годы профессор С.П. Федоров сделал про болезнь Борисяка доклад на съезде врачей. На вопрос, сколько можно прожить с таким диагнозом, врач ответил: самое большее — три года.

Александра Борисяк в Париже

Домик Жоржа Кювье (фото А. Борисяка)

В 1911 году директор Геологического комитета Ф.Н. Чернышев прекратил чтение лекций по исторической геологии в Горном институте и пригласил на освободившееся место Борисяка.

Ему и раньше предлагали заняться преподаванием, но он не соглашался, объясняя, что и без того имеет много дел. Однако отказать Чернышеву, которому был за многое благодарен, Борисяк не мог. Он отправился к доктору за советом и, к своему удивлению, без особых хлопот получил разрешение читать лекции. Врач потом признался, что не возражал, считая состояние Борисяка все равно безнадежным.

Очередной «смертный приговор» Борисяку в очередной раз оказался ошибочным: он 20 лет читал лекции в Горном институте.

INTERNAT. HYGIENE-AUSSTELLUNG DRESDEN 1911

HALLE 53 BERUF UND ARBEIT :: SCHATTENPORTRÄTIST PICK

Силуэты Алексея и Александры Борисяков,
вырезанные уличным художником в Дрездене

INTERNAT. HYGIENE-AUSSTELLUNG DRESDEN 1911

HALLE 53 BERUF UND ARBEIT :: SCHATTENPORTRÄTIST PICK

Рабочий кабинет А. Борисьяка в Удельной (в Гатчине)

Борисьяк подошел к делу с обычной для себя обстоятельностью и систематичностью, написал учебник «Историческая геология», который выдержал четыре издания.

В том же 1911 году он предпринял со студентами большую экскурсию в окрестности Москвы, на классические юрские обнажения. От этой поездки сохранилось несколько фотографий. На них запечатлены молодой, энергичный Борисьяк со своим учеником и дальним родственником Ю.А. Жемчужниковым и десятком слушателей Горного института, будущих инженеров. Они фотографировались возле поезда, у оврагов, в кабинете супругов-палеонтологов Павловых в Московском университете.

Слева направо: первый ряд – В.Г. Глушков, Г.Г. Келья, Ю.А. Жемчужников, И.А. Рейнвальд;
 второй ряд – Н.Г. Кассин, С.А. Ковалевский, Д.В. Наливкин, А.А. Борисяк;
 третий ряд – И.С. Яговкин, Н.В. Мухин, Д.И. Мушкетов;
 четвертый ряд – Я.Р. Меламед, В.П. Новиков, Ф.А. Гусаковский-Евплов, П.А. Грюше

Со стороны казалось, что Борисяк торопится жить. Обязанностей у него становилось все больше: лекции, семинары, изучение севавтопольской фауны, составление отчетов по геологии Крыма, рецензии. Борисяка включили в комиссию по созданию музея Геологического комитета, пригласили в группу по подготовке книжной серии «Русская геологическая библиотека».

В 1913 году он переехал из Удельной в Петербург, поближе к институту и комитету, благо tuberculosis немного затих.

Экскурсия в Подмоскovie. В центре – А.А. Борисяк и Д.И. Мушкетов (фото Ю.А. Жемчужникова)

Экскурсия А. Борисяка и студентов в Подмоскovie

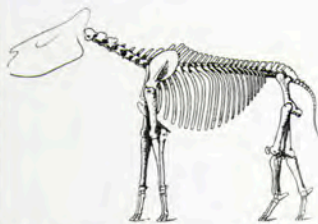

Рис. 96¹. Скелет индрикотерия (череп до исправления) скелет индрикотерия, выкопанный в 1914 г.

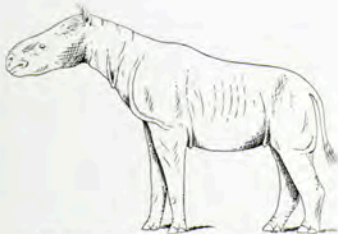

Рис. 96². Предполагаемый внешний вид индрикотерия (по реконструкции А. Борисьяком)

Первая реконструкция скелета и внешнего вида индрикотерия, выполненная А. Борисьяком

В 1914 году он последний раз отправился на полевые работы, в Орловскую губернию. После месяца работ туберкулез вдруг дал обострение, и вынудил Борисьяка спешно ехать в Крым. Вернувшись оттуда в столицу, Борисьяку пришлось заказать себе корсет, который он носил до конца жизни, чтобы уменьшить нагрузки на больной позвоночник.

В 1914 году, спустя шесть лет после находки костей, Борисьяк завершил изучение севастопольской ископаемой фауны. Книгу уже готовили к печати, когда генерал-майор Лескевич сообщил о новом местонахождении. Борисьяк поставил на книге подзаголовок «Первый выпуск». Но оказалось, что новые кости мало отличаются от предыдущих, и уже в 1915 году вышел второй выпуск «Севастопольской фауны».

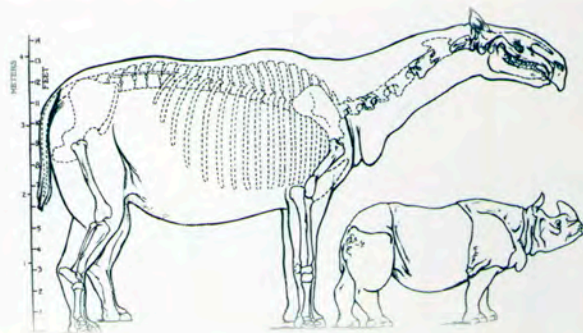
Зато подоспела другая удача. Из Тургайской степи студент-геолог привез огромные кости, принадлежавшие очень крупному носорогу, которого Борисьяк назвал индрикотерием — в честь Индрик-зверя русских сказаний.

Борисьяк выпустил несколько статей, посвященных новому животному: о его зубном аппарате, конечностях, внешнем виде...

С реконструкцией индрикотерия вышел курьез. В распоряжении Борисьяка был почти целый скелет зверя, но без черепа, от которого нашлись только отдельные фрагменты. Борисьяк восстановил череп согласно общим пропорциям туловища: он получился на удивление громадным.

В это же время, по другую сторону океана, американский палеонтолог Генри Осборн изучал череп индрикотерия из Монголии. Кроме черепа, трех шейных позвонков и костей конечностей, у Осборна не было других остатков, и он «приставил» голову с длинной шеей к носорожьему туловищу, изобразив на реконструкции чудовищно громадного безрогого носорога.

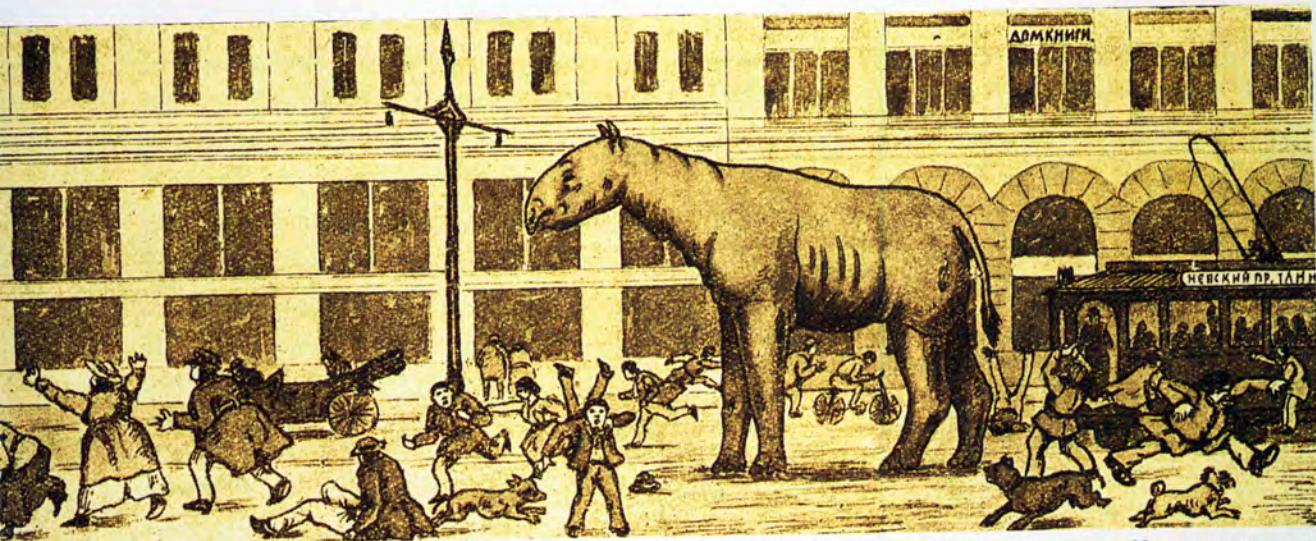
Потом оказалось, что неправы оба. Индрикотерий напоминал гигантскую лошадь с жирафьей шеей и сравнительно небольшой головой.

Реконструкция внешнего вида индрикотерия, сделанная Г. Осборном

Кроме индрикотерия из степей Тургая доставили остатки других животных олигоцена и миоцена, главным образом носорогов, которые тогда стремительно развивались и породили много причудливых форм. В те времена, к примеру, жил брахипотерий, которого Борисяк называл «носорог-такса».

Октябрьскую революцию Борисяк, по воспоминаниям учеников, принял «решительно и бесповоротно». В этом, как писал Жемчужников, сказалась его «марксистская закваска», позволившая «сквозь временные затруднения и недостатки провидеть грядущий расцвет науки».

Палеонтологическая карикатура из статьи А. Борисяка в журнале «Человек и природа»

Н.И. Андрусов, А.А. Борисяк и препараторы
в лаборатории Геологического музея Академии наук

Провидеть расцвет пришлось в сыром и холодном Петрограде, сидя дома в шубе и валенках и готовя на буржуйке очередную «болтушку» на завтрак, обед и ужин.

В 1918 году Борисяка временно зачислили в штат Геологического и Минералогического музея Академии наук «заведывать делами Северодвинских раскопок». Он отправился на Северную Двину, в Москву и Нижний Новгород, чтобы узнать о судьбе коллекций покойного Амалицкого.

Вырвавшись из голодного Петрограда, Борисяк первый раз за полгода наелся досыта. «Если бы ты знала, сколько за это время я съел хлеба, мяса, молока и яиц!» — писал он дочери. Однако разруха проникала везде: «Больше недели плыл на пароходе, наслаждался чудесной погодой и видами — и всеми удобствами, лишь в высшей мере загрязненными...»

Повсюду был полный развал дорожного сообщения, бешеная инфляция, сумасшедшие цены.

На Северной Двине Борисяк договорился с крестьянами об охране раскопок Амалицкого. В Нижнем разыскал препаратора из Варшавы Л.К. Гадомского, который работал сторожем при Политехническом институте. Борисяк предложил ему поступить на службу в Геологический музей.

Вернувшись в Петроград, Борисяк обнаружил, что в музее никого нет. На столе лежала записка директора, академика Н.И. Андрусова. Он писал, что силы его кончились, и он уезжает из города. Как оказалось, навсегда. На Украине Андрусова разбил паралич, он уехал во Францию, потом в Чехию, где скончался.

Борисяк, приглашенный в музей на полгода, фактически стал руководителем Геологического отделения. Ему пришлось искать средства для зарплаты немногочисленным сотрудникам, хлопотать о получении дров, подписывать сотни прошений, чтобы в музей доставили клей, гипс, доски, гвозди.

В музее было постоянно темно и холодно. Отапливались только две комнатки в разных концах здания, а электричество почти не подавалось. Вдобавок подоспели семейные несчастья. От туберкулеза скончался отец Борисяка. Чтобы собрать деньги ему на памятник, вдова стала продавать вещи. В 1920 году она умерла, так и не скопив нужной суммы. Вскоре после кончины отца Борисяк сам тяжело заболел и полгода не мог оправиться. В августе его отправили лечиться в первый советский санаторий для научных работников, устроенный Комиссией по улучшению быта ученых.

С окончанием гражданской войны Петроград стал постепенно оживать. Налаживалось снабжение топливом и провиантом, в город стали возвращаться ученые и лаборанты.

В начале двадцатых годов Геологическое отделение музея получило здание на Васильевском острове, в бывших таможенных складах, и в 1923 году музей впервые за двести лет своего существования открылся для публики. В том же году Борисяка выбрали членом-корреспондентом Академии наук.

К открытию музея удалось подготовить несколько тоненьких, почти без иллюстраций брошюр: «Краткую памятку» и «Путеводитель», рассказывающие об истории музея и о двух его залах: Северо-Двинской галерее с ящерами Амалицкого и Osteологическом отделе, где были представлены кости рептилий и млекопитающих.

Супруги Борисяки в санатории для научных работников

А.А. Борисяк и Я.М. Эглон. Ок. 1925 г.

Раздел про Остеологический отдел написал Борисяк. Про Северо-Двинскую галерею — Петр Петрович Сушкин, с которым Борисяк познакомился еще в Крыму.

По образованию Сушкин был орнитологом, изучал птиц Средней Азии. Палеонтологией интересовался со студенческой скамьи, но считал себя любителем. Борисяк шутил, что увлечение Сушкина долго оставалось платоническим: он следил за достижениями палеонтологии, но не занимался изучением ископаемых костей. В 1921 году по предложению Академии наук Сушкин перебрался с Украины в Петроград, заняв освободившуюся должность в Зоологическом музее. Неожиданно Академия предложила ему также стать хранителем Северо-Двинской галереи.

Здание Геологического музея на Васильевском острове

Сушкин колебался — на шестом десятке не поздно ли заниматься новой наукой? Но решил попробовать. Он получил квартиру в Геологическом музее и целыми днями счищал породу с костей ископаемых ящеров, разгадывая их назначение. Говорил, что старые кости подарили ему вторую молодость. В списке его трудов, начиная с 1921 года, палеонтология безраздельно господствует.

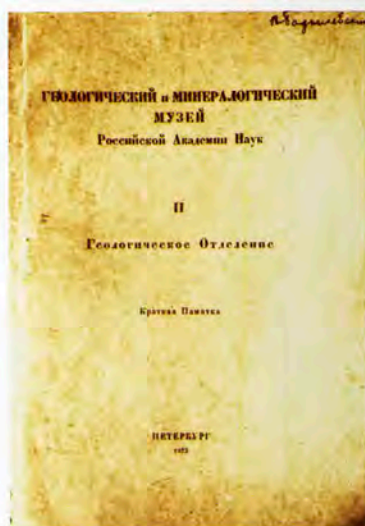
Как и Борисяк, Сушкин настаивал на биологической сущности палеонтологии. Будучи опытным биологом и знатоком морфологии, Сушкин хорошо представлял, какое значение имеют кости, как по ним можно реконструировать образ жизни, особенности поведения и среду обитания животного.

Сушкин с Борисяком планировали на основе Геологического музея создать отдельный институт — Палеонтологический, Палеозоологический или Палеобиологический.

Однако заниматься этим Борисяку пришлось в одиночку. В 1928 году Сушкин отправился на курорт в Кисловодск вместе с Борисяком и супругами Ольденбургими и внезапно скончался. На Борисяка обрушилась вся администраторская работа. Даже небольшой коллектив музея требовал изрядных хлопот. Например, через высшие чины Академии пришлось добиваться квартиры для талантливого препаратора М.Г. Прохорова, который грозил уволиться, если ему не дадут жилье...

Перспективы нового института постепенно обретали все более четкие черты.

Заметка об открытии Геологического музея
в журнале «Человек и природа»

Один из первых путеводителей по Геологическому музею, изданный накануне его открытия

Открытие Палеонтологического музея. В связи с состоявшейся в Петрограде Музейной Конференцией, состоялось 10 июня открытие нового музея — Палеонтологического отдела Геологического музея Российской Академии Наук. Новый музей образован за счет богатейших коллекций по палеонтологии, до сих пор хранившихся в главном здании Академии. В настоящее время эти коллекции перенесены в новое, роскошное помещение, где раньше помещался департамент таможенных сборов — рядом со зданием Биржи (Тучкова наб., 2).

Здание поражает своими размерами, а также большим количеством света, при которых такие колоссальные объекты, как модель в натуральную величину скелета диплодока (*Diplodocus Carnegii*) — одного из крупнейших позвоночных древнего мира, легко и свободно в нем помещаются.

Кроме этого объекта в музее видное место занимают экземпляры парейазавров, добытые покойным проф. Амалкием на Северной Двине около г. Котласа. Эти последние смонтированы в огромных витринах из белого дуба, которые удалось изготовить еще в довоенное время.

Из числа многих других крупных животных, выставленных в этом музее, следует упомянуть об индрикотерии — колоссальном животном, которое, судя по размерам своего скелета, превосходило размеры слона и носорога. Несмотря на то, что индрикотерий был добыт из олигоценовых отложений Тургайской области далеко не полным, тем не менее удалось его восстановить и дать даже приблизительный его рисунок в целом виде, который тут же выставлен для обозрения публики. Краткие характеристики особенностей и образа жизни выставленных в музее ископаемых животных являются ценным пособием для знакомства с музеем. Музей только начал свое переустройство и, вероятно, в недалеком будущем явится одним из наиболее интересных музеев Петрограда.

И. П.

Остеологический отдел Геологического музея Академии наук

На основе «палеонтологической» части Геологического музея складывался костяк советской школы палеонтологии. Из Женского педагогического института в музей пришла хрупкая девушка Е.И. Беляева, которая хотела изучать гигантских слонов. В препараторской работал юноша в тубетейке — будущий писатель и ученый И.А. Ефремов. Заинтересовавшись палеонтологией, в музей стал часто наведываться гистолог Ю.А. Орлов (будущий академик и крупнейший специалист по палеонтологии позвоночных), в ту пору ходивший в военной шинели и буденовке. Из Военно-медицинской академии в музей перешел анатом, художник А.П. Быстров.

Петр Петрович Сушкин

Маленькое отделение по сути занималось палеонтологией всей страны. Борисяк считал важным наладить связи в регионах, чтобы получить «корреспондентов», которые помогут в поисках местонахождений ископаемых костей.

Он публиковал статьи в краеведческих альманахах, подготовил листовки для шахтеров и полярников, подчеркивая, что надо бережно относиться к ископаемым костям и передавать их специалистам, тем более что посылки в академические институты почта принимает бесплатно.

Рухлядь брали, паковали
И со кино, по нулю
Продавали утилю...

Картинка из книги поэта Д. Бедного
«Утиль-богатырь»

В музей со всей страны шли письма про окаменелости. Некоторые были важными, другие — курьезными. Один раз сотрудникам пришлось долго объяснять рабочему из Калуги, что найденные им в каменистом «обезьяньи головы» и «огромных размеров черви» — это остатки раковин и следы илоедов.

Большое внимание Борисьяк уделял борьбе с крупной государственной организацией «Союз-утиль», которая скупала у населения ветошь, старье и кости. В филиалы «Утиля» нередко сдавали остатки вымерших зверей, из которых делали минеральные удобрения и фосфатную муку. В Поволжье крестьяне собирались сдать в утиль полный скелет морского ящера мозазавра. В Рязанской области отдали на переработку остатки целого стада большерогих оленей...

Другой бедой были раскопки, которые проводились всевозможными ведомствами, зачастую не имеющими никакого отношения к науке.

Так, на побережье Черного моря раскопки костей четвертичных млекопитающих велись по настоянию ВКП(б) Украины.

Борисьяк составил проект постановления ВЦИК и Совнаркома об охране остатков вымерших позвоночных, где говорилось: «Необходимо запретить на территории СССР уничтожение, повреждение и использование без разрешения Академии наук СССР скелетных и других остатков вымерших позвоночных животных»... Увы, постановление так и не приняли.

МУЗЕЙ

ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Академии Наук СССР

АДРЕС: В.О. ПУЧКОВА НАБ. 2. ВХОД СО СТОРОНЫ Б. ФОНДОВОЙ БИРЖИ

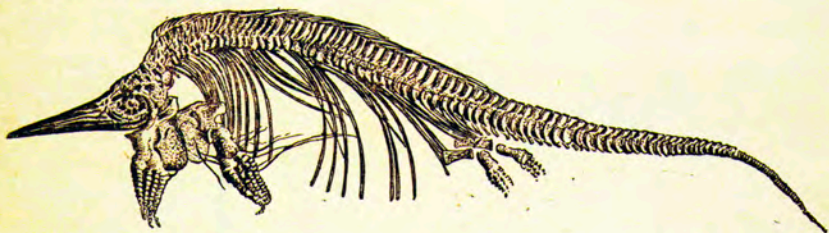

Рабочим и ИТР сланцевых рудников

При разработке горючих сланцев Поволжья, в некоторых пластах сланцев встречаются отдельные кости, а иногда и целные скелеты вымерших животных: юрских морских пресмыкающихся.

Эти ископаемые кости имеют для науки большое значение. Изучая их можно установить, какие животные водились в минувшие эпохи истории земли, как они изменялись и развивались, в каких условиях существовали и т. д.; одним словом, по ископаемым остаткам животных можно восстановить историю жизни на земле, а вместе с тем — порядок напластований, знание которого необходимо для геолого-разведочных работ.

Всеми этими вопросами занимается Палеонтологический институт Академии Наук СССР, ведущий планомерные разведки и раскопки местонахождений ископаемых остатков животных. Институт весьма заинтересован поэтому в получении, как сведений о вновь открытых местонахождениях костей, так и сборов последних.

Наибольший интерес и ценность для науки представляют целные скелеты животных; так как полные скелеты встречаются редко, то большое научное значение имеют также черепа и некоторые отдельные кости.

При находках скелетов, черепов и скоплений костей необходимо принимать все меры для того, чтобы они не подверглись разрушению и сохранились целиком до приезда представителя Института. Работы, вскрывшие кости, лучше всего приостановить до приезда представителя. Если же работы оставить нельзя и кости должны подвергнуться перемещению, то их надлежит выламывать вместе с глыбой породы, которая предохраняла бы кости от разрушения.

О находках надо срочно извещать Палеонтологический институт Академии Наук (Москва 71, Б. Калужская, 75) и представителя Института в г. Пугачеве, директора Пугачевского музея краеведения, К. И. Журавлева.

Институт уплачивает лицам, нашедшим кости, вознаграждение, размер которого зависит от научной ценности находки.

Палеонтологический институт Академии Наук СССР

Мособлагилт В 10-22-1.

Зак. 1507. Тираж. 1000 экз.

Типодитиграфия Военной Академии механизации и моторизации РККА им. Сталина, Красноказарменная, 2

Листовка про ископаемые остатки морских ящеров, выпущенная Академией наук для работников сланцевых рудников Поволжья и Заволжья

Благодаря работе Геологического музея удалось зарегистрировать множество новых местонахождений ископаемой фауны. Борисяк рассказывал об этом в 1927 году на открытии Недели русской науки в Берлине. Список ученых для поездки в Германию утверждал лично Сталин. Вместе с Борисяком за границу, как обычно, отправилась супруга. Борисяк объяснял чиновникам, что ему нужен близкий человек — помогать снимать и надевать корсет. После официальной части визита Борисяк совершил частную экскурсию по музеям и достопримечательностям.

Из Скандинавии он писал дочери: «Самые красивые виды видели сквозь дымку дождя, а то и совсем не видели из-за тумана, — и только просветы давали намек, какая здесь может быть красота. Тогда вся публика бросалась к окну... Вагоны здесь особенные — без перегородок, с огромными стеклами, так что видишь сразу в обе стороны. С нами ехал американский профессор из Калифорнии с дочкой (вся в собольих мехах!), две английские учительницы и две местных весьма старых дамы (вместе >150 лет)»...

В январе 1929 года Борисяк стал действительным членом Академии наук СССР. Сразу после выборов он подал записку о необходимости создания особого Палеозоологического института. Название «Палеозоологический» выбрал специально, считая, что оно подчеркнет биологическую сущность палеонтологии и отпугнет геологов. Просьбу удовлетворили. Институт был создан в 1930 году на основе Osteологического отделения и Северо-Двинской галереи Геологического музея. Директором был назначен Борисяк, который вскоре добился перевода института из геологической группы Академии в биологическую. Палеонтология в СССР официально стала биологической наукой.

В Академии знали об административных талантах Борисяка и вскоре выбрали его членом президиума, редакционно-издательского совета и целого списка всевозможных комиссий.

В составе академических делегаций он встречался со школьниками и колхозниками, приходил с визитами в антирелигиозные кружки и клубы безбожников.

Академики В.П. Волгин
и А.А. Борисяк

Академики В.П. Волгин
и А.А. Борисяк

Борисяк полагал, что геология с палеонтологией должны стать краеугольным камнем в мировоззрении советского человека: материалиста, коммуниста и атеиста. Осенью 1930 года ему и археологу Н.Я. Марру президиум Академии поручил разработать вопрос о создании Антирелигиозного музея.

Весной 1931 года у Борисяка случилась очередная вспышка туберкулеза, теперь костного. Чтобы избавиться хотя бы от части обязанностей, он ушел из Геологического комитета, которому посвятил тридцать лет жизни...

Принятое в 1934 году решение о переводе Академии из Ленинграда в Москву Борисяк поддержал. Палеонтологический институт переехал быстро, благо в нем числилось всего два десятка сотрудников, часть из которых предпочла остаться в Ленинграде.

На Борисяка опять обрушились многочисленные заботы. Надо было искать жилье сотрудникам, место для музея. Достать квартиры оказалось практически невозможно. Счаст-

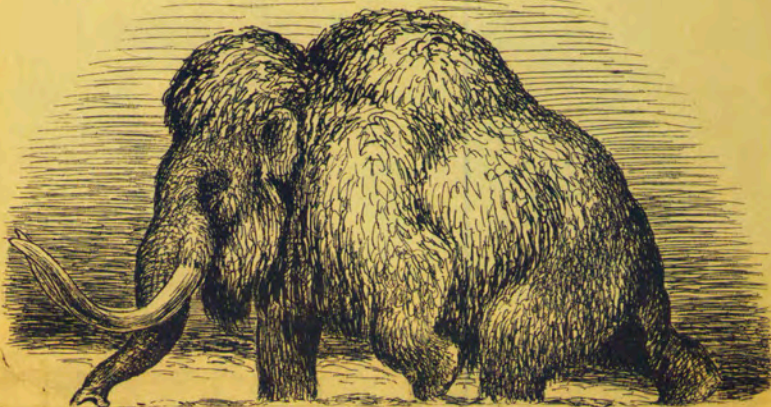
ливчики, получившие жилье, выделяли углы для коллег. Многие ученые-палеонтологи спали в ваннных комнатах у сослуживцев, другие ночевали в институте, прятаясь от пожарных.

Самая большая проблема была связана с музеем. В Петербурге он закрылся весной 1935 года. Здание на Васильевском острове передали другим учреждениям. Упакованные в ящики коллекции сложили в одном из залов. На этом дело застопорилось: в Москве не нашли подходящего помещения.

Советские геологи 1930-х годов (слева направо):
А.П. Карпинский, И.М. Губкин, О.М. Шубникова, А.А. Борисяк,
Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.И. Вернадский, В.А. Обручев

О НАХОДКАХ ИСКОПАЕМЫХ ЖИВОТНЫХ

По берегам северных рек, ручьев и морей вымываются водой из слоев земли остатки давно вымерших животных, когда-то живших в Сибири и на севере Европейской части СССР: отдельные кости, *череп*а или даже *цельные скелеты* и *трупы* мамонтов, носорогов, диких быков, лошадей, оленей и других. Все эти находки трупов с мясом кожей и шерстью, а также цельные скелеты и черепы представляют большой научный интерес. Они нужны Академии Наук СССР для изучения и для выставки в музеях.

Поэтому Академия Наук СССР просит всех граждан, нашедших тание остатки вымерших животных или слышавших о них, во-первых, принять меры к их охране от уничтожения диними животными или от дальнейшего размыва водою, во-вторых, возможно скорее сообщить по радио или почтою в Москву, в Академию Наук, об этих находках.

За это Академия Наук СССР будет выдавать *денежное вознаграждение*, в зависимости от научной ценности находки, размером *до тысячи рублей*.

Президент Академии Наук СССР академик *В. Л. Комаров*

Экспозиция, открытая
в Палеонтологическом
музее в 1937 году

Два года музей лежал в ящиках. Только в 1937 году Академия получила разрешение занять один из корпусов бывших графских конюшен в Нескучном саду. Ремонт конюшен объявили «ударным» и приступили к нему немедленно, чтобы развернуть экспозицию к Международному геологическому конгрессу, намеченному на лето 1937 года.

Борисяк был вице-президентом оргкомитета Международного геологического конгресса. Для него стало делом чести открыть свой музей к приезду иностранных коллег. Вновь пришлось заниматься мелочными проблемами. График завоза строительных материалов отставал, «рабсилы» вместо 181 человека наняли вполтину меньше. Борисяку приходилось звонить, писать прошения, искать по всему городу кровельное железо, гвозди, бревна для балок. «Положение создается катастрофическое», — писал он в президиум Академии.

Здание Палеонтологического музея в Нескучном саду

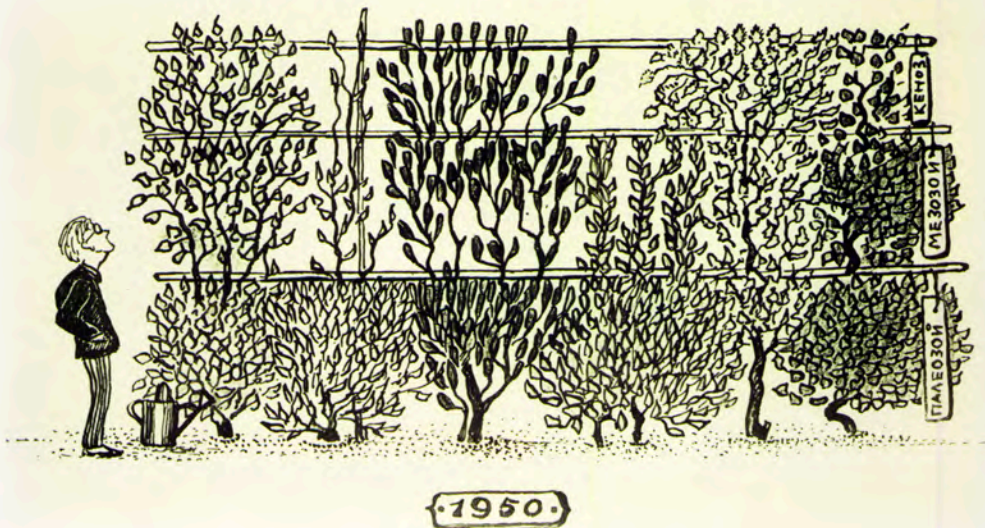
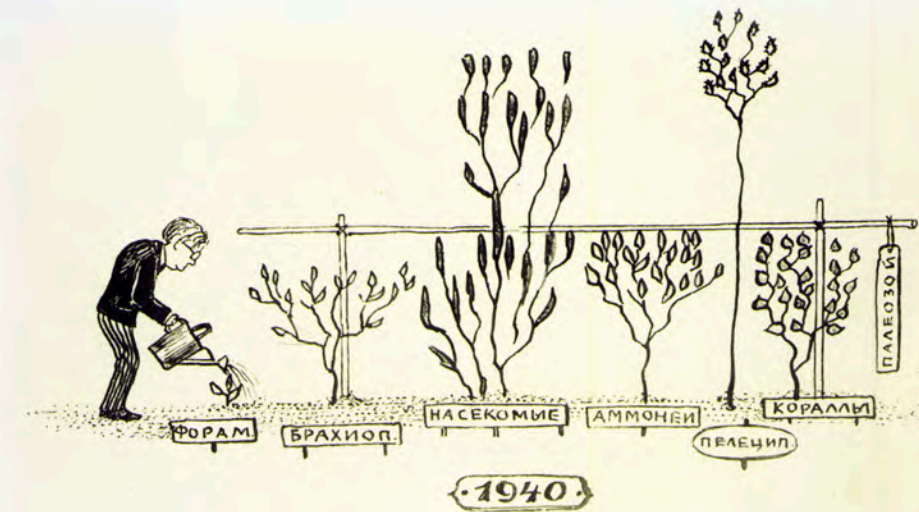
Академики А.А. Борисяк и Н.И. Вавилов
на занятиях в Кружке безбожников

А. Борисяк и «годовая продукция»
Палеонтологического института

Подготовка конгресса тоже обернулась трудностями. Одного из членов оргкомитета, Н.И. Свитальского, арестовали по обвинению в контрреволюционном заговоре. Почетный президент конгресса А.П. Карпинский скончался. Президент И.М. Губкин часто болел.

Борисяк зачастую был главным в оргкомитете. Ему много помогал Д.В. Наливкин. Они составляли программы заседаний, заверяли маршруты экскурсий, которые охватывали всю страну и показывали зарубежным геологам не только богатства советских недр, но и счастливую жизнь простых тружеников. В маршрут обязательно включали пионерские лагеря, дома советов, театры, парки культуры, крупные заводы. Несколько экспедиций пролегло через «Артек». Встречаясь с журналистами, Борисяк старался заинтересовать их геологией и шутил, что сам-то занимается «бесполезными ископаемыми» — костями мертвых животных.

А. Борисяк и «годовая продукция» Палеонтологического института.
 Карикатуры из стенгазеты Палеонтологического института

Конгресс открылся 21 июля 1937 года. Ровно к этому дню начал работать Палеонтологический музей. В нем не удалось восстановить всю ленинградскую экспозицию: не хватило места. В 1939 году места стало еще меньше: музей попал в зону застройки Калужской улицы, где началось «поточно-скоростное» строительство жилых домов. Бульдозеры снесли отремонтированную часть музея, разом лишив его половины площади. Для публики его пришлось закрыть.

Попасть в музей можно было только по разрешению Борисяка. В 1940 году он выдал полсотни разрешений, в музее побывало 964 человека, в основном школьники и студенты. Были и необычные посетители: в феврале ископаемые скелеты осматривала делегация красноармейцев.

Борисяк регулярно писал председателю музейной комиссии Академии: «Свернутое, без перспектив развития состояние музея недопустимо и роняет престиж советской науки», жаловался в президиум и в Совет народных комиссаров.

Академия предлагала подождать несколько лет. Недалеко от Москвы-реки, у Крымского моста строилось здание президиума, по бокам которого, справа и слева, запланировали два гигантских музея. Один — геолого-минералогический, «Истории Земли». Второй — биолого-палеонтологический, «Истории жизни на Земле».

В конце 1940 года на набережной выкопали котлован, весной заложили фундамент. В июне 1941 года строительство прекратилось, началась Великая Отечественная война.

Службная дача в подмосковной Малаховке и служебная машина А. Борисяка

А. Борисяк на даче с внучкой Иоанной

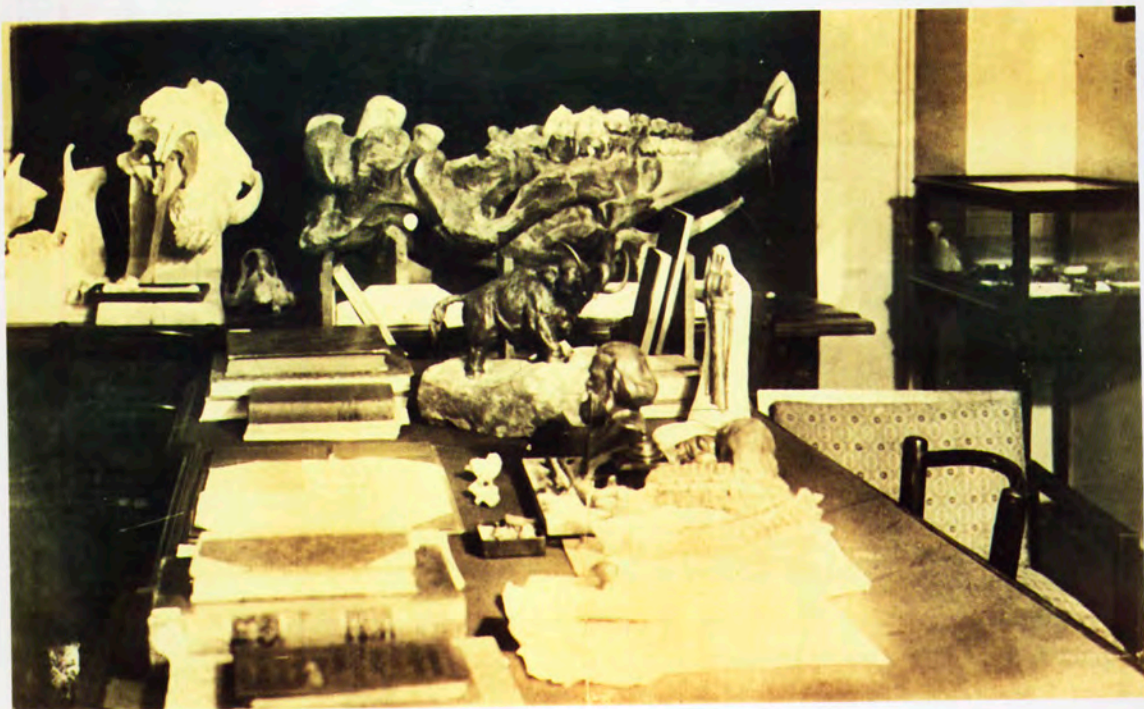

А. Борисяк в Палеонтологическом институте с черепом древнего носорога

Академия наук подготовила план эвакуации музеев и сотрудников. 14 июля в Палеонтологическом музее, согласно указаниям президиума, сложили в ящики наиболее ценные экспонаты, а через два дня Борисяка с группой академиков отправили в эвакуацию в Казахстан, на курорт Боровое. В дороге, которая сейчас занимает два дня, академики провели больше недели. «У Вернадского с собой карта, и мы следим за географией», — писал Борисяк дочери.

Курорт оказался туберкулезным санаторием, и Борисяк опасался, что застарелая болезнь даст новую вспышку.

Новости из столицы добавляли нервных переживаний: ход войны, бестолковая эвакуация. Из Москвы никак не могли вывезти коллекции, в институте шутили, что для ликвидации всей советской палеонтологии хватит одной фугасной бомбы.

Рабочий стол А. Борисяка в Палеонтологическом институте

Осенью 1941 года стало ясно, что учреждения биологического отделения Академии отправляются во Фрунзе. Туда из Борового поехал и Борисяк с супругой. Через несколько дней после прибытия он написал: «Приехавшая часть институтов (около ста сотрудников) далеко не устроены. Масса строительной работы, но я рад, что вырвался из гнетущего безделья Борового». Во Фрунзе Борисяку выделили двухкомнатную квартиру, обеспечили питанием, а вот транспорта, кроме старой лошади, никакого не оказалось.

Борисяку почти каждый день приходилось трястись из дома на совещания по разбитым дорогам на линейке, запряженной клячей в «пол-лошадиной силы». Палочки туберкулеза, зарубцевавшиеся в легких, «растряслись», болезнь стала прогрессировать.

Вновь, как полвека назад, Борисяку пришлось общаться с коллегами по почте. Только теперь он сам был начальником и давал указания и советы. Телеграммы из-за военного времени шли долго, письма — еще дольше, проходя обязательную военную цензуру.

Летом 1942 года во Фрунзе отметили 70-летний юбилей Борисяка. От торжеств он отказался, а в подарок получил цветы и множество только что поспевших громадных яблок. Главным подарком для него стал переезд части сотрудников из Алма-Аты во Фрунзе — в огромный амбар, который разделили занавесками на «комнаты» и «кабинеты».

Картина с изображением мамонтов из рабочего кабинета А. Борисяка

Борисяк поручил сотрудникам подгото- вить большую обзорную статью о том, чего добилась палеонтология в Советском Союзе. Сам он подчеркивал в статье, что палеонто- логия из «служанки геологии» превратилась в крупный отдел биологии, а Палеонтоло- гический институт стал «первым и един- ственным в мире коллективом, планомерно разрабатывающим биологическую тематику на ископаемом материале», что позволило поднять палеонтологию на большую теоре- тическую высоту.

Осенью во Фрунзе скончалась супруга Борисяка. Чтобы отвлечься от горя, он с го- ловой ушел в рутинную работу: «Решаю во- просы о переделке печек, звоню куда следует о недоданном килограмме конфет и прочее. Голова пухнет за те 2–3 часа в день, когда меня осаждают просители, но зато некогда думать...»

Бюрократия приводила к курьезам. Как глава биологического отделения Академии Борисяк рассылал требования и циркуляры подотчетным институтам, в том числе ди- ректору Палеонтологического института, то есть себе, а затем отвечал сам себе на при- сланный запрос.

Весной 1943 года Борисяку присудили Сталин- скую премию II степени за многолетние выдающие- ся работы в области науки и техники. Он отнесся к этому без воодушевления: «Нашли место среди других стариков “по совокупности”... Мне бы, конечно, приятнее было прой- ти по специальности». Деньги, как было принято, он перевел на нужды оборонной промышленности — «в особый фонд

Последние фотографии А. Борисяка, сделанные в эвакуации во Фрунзе

Верховного Главнокомандования Красной Армии на строительство вооружения». Об этом с гордостью сообщили центральные газеты.

По мере отхода фронта на запад сотрудники Академии все чаще обсуждали скорое возвращение в Москву. В августе, узнав, что в Москве больше нет авианалетов, Борисяк тоже стал собираться в столицу. По обыкновению его назначили ответственным за переезд, поручив доставить еще несколько семей академиков. В сентябре он вместе с коллегами в отдельном «академическом» вагоне выехал из Фрунзе.

В Москве, по его словам, оказалось «пасмурно и холодно и на улице, и в квартире, и на душе». Через полгода после возвращения, в конце января 1944 года он сильно простудился. Вылечить его уже не смогли. 25 февраля Борисяк скончался на 72 году жизни. В свидетельстве о смерти врач написал: «от туберкулезного менингита».

Борисяка кремировали, прах захоронили на Новодевичьем кладбище. Год спустя рядом похоронили В.И. Вернадского. Один из учеников Борисяка заметил, что оба ученых долго были соседями: жили в одном доме сначала в Ленинграде, потом в Москве, вместе были в эвакуации и после кончины тоже оказались рядом.

За прошедшие полвека в память о Борисяке было выпущено несколько томов палеонтологических работ, в его честь названо много вымерших животных — трилобитов, морских ежей, моллюсков, рептилий, млекопитающих.

Книга из серии
«Биобиблиография ученых СССР»

Книга-«завещание» А. Борисяка

Здание Палеонтологического института им. А.А. Борисяка Российской академии наук

Медаль А.А. Борисяка: аверс, реверс. Художник И.С. Сергеенкова

В 2008 году имя А.А. Борисяка было присвоено Палеонтологическому институту РАН. Ученый совет учредил высшую награду института — медаль А.А. Борисяка «За развитие палеонтологии».

В петербургском филиале Архива РАН хранится большой фонд с документами Борисяка, который до сих пор пополняет внучка палеонтолога, один из авторов этой книги Иоанна Витальевна Бодылевская. Еще один фонд, Никифора Дмитриевича Борисяка, передал сам Алексей Алексеевич. Письма Алексея Алексеевича Борисяка хранятся в архивных фондах многих геологов, зоологов и палеонтологов: Павловых, В.И. Вернадского, А.П. Карпинского. На основе этих материалов может быть написана увлекательная монография, посвященная не только Борисяку, но и судьбам других ученых в переломные годы истории нашего государства. Небольшая часть архивных документов была использована в этой работе, которая, надеемся, поможет будущим исследователям лучше понять личность Борисяка.

И.В. Бодылевская, А.Е. Нелихов

Академик Алексей Борисяк

Ответственный редактор академик РАН А.В. Лопатин

Москва, ПИН РАН, 2020

Академик Алексей Борисяк. И.В. Бодылевская, А.Е. Нелихов. -

Отв. редактор А.В. Лопатин. - М.: ПИН РАН, 2020. - 64 с., илл.

На основе большого числа архивных документов в популярной форме рассказывается о жизненном и творческом пути академика Алексея Алексеевича Борисяка (1872–1944) – русского и советского палеонтолога, геолога и биолога, создателя и первого директора Палеонтологического института, главы советской научной школы палеонтологии позвоночных животных. Многие фотографии и документы публикуются впервые.

Для палеонтологов, биологов, геологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

ISBN 978-5-903825-49-3

Макет: М.К. Емельянова, А.А. Ермаков

В книге использованы фотографии из архивов И.В. Бодылевской
и Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН

Подписано в печать 16.01.2020

Формат 60x90/8. Гарнитура «Академия».

Уч.-изд. л. 5. Тираж 400 экз. Бумага мелованная

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН (ПИН РАН)

Москва, Профсоюзная ул., 123

Отпечатано в «Типографии Офсетной Печати»

Москва, ул. Дербеневская, д. 20, стр. 8

Заказ № 1575